

БУРХАН. К ИСТОРИИ ОДНОГО ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

В данной статье на основе анализа литературы по истории, этнографии, культуре калмыков и других народов России, исповедующих буддизм, а также описаний путешествий российских исследователей раскрывается история появления в русском языке слова «бурхан», рассматривается его этимология.

Слово *бурхан* в современном русскоязычном узусе (общепринятом употреблении слов и выражений) является и научным термином — наименованием буддийского божества или его изображения, и компонентом обиходной лексики в тех регионах России, где проживают народы, традиционно исповедующие буддизм — в Бурятии и Калмыкии. Этимология этого слова давно известна в науке и особых сомнений не вызывает: у М. Фасмера, автора авторитетного труда, самого объемного на сегодняшний день «Этимологического словаря русского языка» (нем. “Russisches etymologisches Wörterbuch”), мы читаем: «*Бурхан* «монгольский идол», заимств. через монг. *burqan*, калм. *burxan* «бог, святой» из уйг. *burxan* «бог, посланник света, пророк, Будда», которое восходит через кит. *bur* (то же) к имени Будды — др.-инд. *Buddha*» [Фасмер, I 1964: 249].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02898).

Вместе с этим история слова *бурхан*, как и историческая судьба многих других этнографических, социальных, философских терминов буддизма, почти неизвестна даже специалистам. Слово *бурхан* появляется в русских документах, связанных территориально с Южной Сибирью, в самом начале XVIII в. Обратимся к документам, имеющим отношение ко времени освоения Сибири русскими казаками, в котором упоминаются калмыки: «*А одного калмыка взяли в полон, да 170 лошадей, да 30 пицалей, да 30 сайдаков, с луки и стрелы, да бурхан, чему Калмыки молятся, да 14 листов калмыцкого письма...*» [Докладная выписка ... 1882: 85]. Эта цитата в сокращенном виде приводится в «Словаре русского языка XVIII века», при этом слово *бурхан* определено как «*Монгольский идол*» [Словарь русского языка XVIII века]. Этот пример представляется нам наиболее ранней фиксацией рассматриваемого слова в русском литературном языке, хотя значение этого термина, как будет ясно из примеров, представленных далее в данной статье, определено не совсем точно. Отметим, что это один из немногих терминов буддизма, попавших в исторические словари русского языка.

Слово *бурхан*, обозначающее изображение буддийского божества, присутствует в последней трети XVIII в. в одном из весьма важных источников по истории и этнографии калмыков — «Топографическом описании Симбирского наместничества» 1785 г., о чем свидетельствует следующая цитата: «*Но одnogорбые белые верблюды, коих они бухарскими называют, употребляются только для возки духовных книг, истуканов, то есть бурханов и прочих, по их закону, святых иных вещей*» [Масленицкий 1785].

Позднее, в XIX в., слово *бурхан* в весьма конкретном значении «скульптурное или живописное изображение буддийского божества» и в более расширенном значении «изображение какого-либо божества или сверхъестественного существа» становится широкоупотребительным. Приведем описание развалин Аблайкита — самого первого стационарного буддийского храма, возведенного на левой стороне Иртыша, данное в книге русского ученого А. И. Левшина «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких

орд и степей», посвященной истории и этнографии казахов, в которой также дается географическое описание и природа казахских степей. Исследователя не мог не тронуть вид развалин буддийского храма, которые определены им как «главнейшие <...> как по обширности, так и по ясности признаков». Вот как он описывает их: *«Внутри ограды были два здания: одно служило ламайским капищем, и в начале прошедшего столетия еще видны в нем были статуи, живописные изображения бурханов, и многие письма, из коих некоторые листы в 1720 году были доставлены императору Петру Великому, а им посланы в Парижскую академию надписей изящных искусств»* [Левшин 1832: 106]. В данном примере, как и во многих других, словом *бурхан* называется божество, представленное в живописном или скульптурном изображении.

Еще один пример упоминания слова *бурхан* в таком же значении мы находим в трудах исследователей этнографии и культуры волжских калмыков [Нефедьев 1834]. При этом интересующее нас слово приводится в оценке известного русского критика XIX века В. Г. Белинского, который очень высоко оценил книгу Нефедьева и даже привел некоторые моменты из нее: *«Сверх того, по местам, приложены разные статистические таблицы; карта Астраханской губернии, с показанием землекочующих народов, 1833 года; две картины, представляющие: одна — калмыцкое семейство (мужа, жену и ребенка), другая — внутренность бурхани-орьгэ (кибитки, посвященной молитвам), молящихся, гелюнгов (жрецов) (первая фиксация термина гелюнг в его современной форме. — Д. М.), их инструменты и изображения главнейших бурханов (второстепенных добрых и злых божеств); наконец, ноты к калмыцким песням»* [Белинский 1835].

Однако слово *бурхан* используется в этот период и для обозначения буддийского божества — Будды или бодхисатвы, как, к примеру, мы это видим в рассказах поэта В. И. Соколовского: *«В настоящее время Шагя-Муни, как Шикеефо нашей вселенной, сосредоточив в себе всю возможность власти общего управления над существующими теперь мирами, приятельски поделился с другими бурханами относительно частей. Так, например, бурха-*

ну Мандари и будущему преемнику его Мандзошири он препоручил наблюдать, чтобы в мире шло своим порядком; бурхан Хурмушта должен хлопотать о благе всех тварей; грешники сдаются на руки Эрлык-Номун-хану; Очирбани заведывает бурями, метелями, ураганами и т. д. У бурханов, которые начальствуют над водою во всех возможных ее изменениях, состоят в распоряжении ужасные драконы» [Соколовский 1833].

Русский поэт-декабрист В. К. Кюхельбекер, сосланный в Восточную Сибирь, оставил рукопись под названием «Путешествие», представляющее собою как бы дневниковые записи автора, составленные в форме дружеских писем. Опубликованные спустя более чем столетие после их создания, эти записи содержат живое свидетельство существования культа почитания воплощениям (реинкарнациям) божеств буддийского пантеона как, например, следующее упоминание о Будде Шакьямуни: *«Августа 12. Неровное, буераками перерезанное пространство в окружности реки Чагана, недалеко от Яццкого городка. Видел я сегодня у Натальи Алексеевны мальчика, которому здешние тунгусы поклоняются как воплощению Шигумуни или другого какого-то их Бурхана. Он довольно хорош из себя, но ума очень недалекого; лет ему около 12-ти» [Кюхельбекер 1845].*

С 1840-х гг. более употребительным значением слова *бурхан* становится значение изображения буддийского божества. Это значение имеет слово *бурханы* в том фрагменте из книги одного из крупнейших естествоиспытателей XVIII века П. С. Палласа, который был законспектирован Н. В. Гоголем. Приведем эти строки: *«Калмыки почти все среднего роста, не толсты как башкирцы и киргизы, сановиты <...> Белые одnogорбые верблюды везут запряженные в телегу все священные по их закону вещи, духовные книги и бурханов» [Гоголь 1773–1788].*

Используют это слово и путешественники, исследователи обширных пространств Восточной Сибири, среди которых — известный русский географ и геолог П. А. Кропоткин: *«Обыкновенно юрты бурят строятся восьмиугольные, вследствие чего они гораздо просторнее четырехугольных и ближе подходят к пер-*

вобытной круглой форме; они покрыты дерном или хворостом и сделаны довольно прочно, так что в щели дует очень мало; внутренность юрты доказывает, что живут не бедно — горка уставлена бурханами, молока вдоволь, есть и русская утварь, и чайники — все, что нужно для незатейливого бурятского хозяйства» [Кропоткин 1867].

В последней четверти XIX в. слово *бурхан* встречается и в описаниях путешествий, и в научных трудах по буддизму. Путевые заметки известного русского писателя XIX века В. В. Крестовского «В дальних водах и странах» дают нам пример использования автором слова *бурхан* в описании китайских изделий, предметов культа: *«И как поневоле разбегаются глаза, глядя на всю эту роскошь, где изящество и восточная пестрота, споря между собою, дают своими красками и формами богатейший материал для художника! Индийские и китайские шелковые ткани, <...> модели джонок и пагод из кости, деревянные, бронзовые и фарфоровые куклы и бурханы (идолы) и тысячи иных вещей и безделушек, все эти „Китайские изделия“ блещут на виду разноцветными яркими красками, серебром и позолотой...»* [Крестовский 1882]. Примечательно то, что слово *бурхан* здесь использовано автором для передачи китайских реалий; до сих пор нам встречались примеры, когда оно использовано при описании религиозных воззрений монгольских народов.

Одним из важнейших источников, представляющих несомненный интерес для всех исследователей истории распространения буддизма среди монголов, продолжает оставаться фундаментальный труд А. М. Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей...». Эта книга, представляющая собой по сути дневниковые записи автора, сделанные во время его путешествия по Монголии в 1876–1879 гг., содержит ценные сведения не только о буддизме монголов, но и калмыков, о чем свидетельствует следующий фрагмент этой книги: *«Правда, у калмыков нет четырехсаженных кумиров Майдари, какие находим мы в халхаской Урге, или въ бурятском Гусино-озерскомъ дацане; но у нихъ масса таких же кумиров в четыре вершка, а не все ли равно для существа религии*

будет ли кумир измеряться вершиком, или саженью? Говорят, что у калмыков и вообще нет многих бурханов; это опять таки не совсем справедливо и, мне кажется, что люди, высказывающие такое положение, понимают бурханов только литых; но я хорошо знаю, что въ калмыцких степях если нет всех изображений бурханов литых, такъ есть рисованные...» [Позднеев 1887: XIII]. В этой же работе мы встречаем сочетание слова бурхан со словом бакиши ('учитель'), которое сопровождается пояснением автора: «Всецело свободенъ», отвечает лама-наставникъ и вследъ за симъ выводитъ своего ученика на средину сумэ, заставляетъ его сделать по три поклона, сначала передъ кумиромъ бурханъ-бакиши (=Шигэмуни), а потомъ предъ первенствующимъ гэлунюмъ. Иногда бываетъ такъ, что наставникомъ баньди является тоже самое лицо» [Позднеев 1887: 136].

В наблюдениях известных русских исследователей, путешественников XVII – начала XX в. о пантеоне божеств, предметах буддийского культа, об образцах священных текстов, имевших хождение у монгольских народов и тибетцев в указанный период, неминуемо встречается слово *бурхан*. В ряде случаев, как это можно отметить в трудах известного исследователя Центральной Азии П. К. Козлова, оно указывает на предметы буддийского культа (скульптурные изображения, статуэтки): «*Внутреннее убранство Цзасаргин-куре отличается некоторой роскошью и богатством: здесь имеются дорогие бурханы* [Козлов 1906], или другой пример: «*Кроме того, при прощальной аудиенции, далай-лама, трогательно напутствуя меня, дал мне несколько тибетских бурханов, с хадаками, для поднесения представителям ведомств или учреждений, принимавшим близкое участие в командировании меня в Ургу*» [Козлов 1907].

Интересно, что у некоторых авторов слово *бурхан* дается с пояснениями, но иногда оно само используется для более точной характеристики реалии. Примером такого употребления может послужить цитата из книги знаменитого исследователя Средней Азии Н. М. Пржевальского: «*Перед статуей Майдари находится стол с различными приношениями, в числе которых не последнее*

место занимает стеклянная пробка от нашего обыкновенного графина; кругом же стен здания размещено множество других мелких божков (бурханов), а также различных священных картин» [Пржевальский 1946].

У некоторых авторов слово *бурхан* представляется довольно известным, узнаваемым термином, как в очерке Б. И. Имшенецкого «Монголия», что можно проследить на следующем фрагменте, раскрывающем религиозные представления монголов: «<...> *Последняя находится обязательно въ каждой юрте противъ дверей, которыя всегда прорезываются на югъ. Божницы устраиваются изъ высокаго ящика, устроеннаго ступеньками, на которыя, въ известномъ порядке, устанавливаются статуи и изображенія различныхъ святыхъ, а посредине между ними Сакія-Муни. Передъ бурханами стоитъ целый рядъ лампадокъ и чашечекъ для жертвоприношеній; какъ лампадки съ курдючнымъ жиромъ, такъ и пахучія травяныя свечи вечно теплятся» [Имшенецкий 1915].*

Тем не менее, мы находим целый ряд произведений, в которых слово *бурхан* сопровождается пояснением. Один из таких примеров запечатлен в мемуарах военного министра России 1905–1909 гг. А. Ф. Редигера, возглавлявшего военное ведомство в один из самых сложных периодов российской истории; в нем он описывает эпизод аудиенции А. Доржиева: «<...> *затем Джорджиев взял на обе руки длинный кусок белой шелковой материи; переводчик из-за пазухи вынул бурхан (бронзовую статуэтку Будды), Джорджиев передал ее мне вместе с платком» [Редигер 1918].* Сходное пояснение мы встречаем в описании путешествия в Монголию, Китай и восточную окраину Тибета в 1892–1894 гг. «От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай», составленном В. А. Обручевым: «*Внутри в кумирне было тесно, несмотря на ее размеры, так как в самом центре стояла колоссальная статуя Майдари, на которую посетитель натыкался сразу при входе. Бурхан (т.е. статуя божества) изображен сидящим на престоле из лежащих львов и поднимается под купол кумирни; высота его около 16 м. Он отлит из бронзы и густо покрыт позолотой. Вес его, как говорят, 11000 китайских пудов, хотя статуя пусто-*

телая» [Обручев 1940]. Примечательно, что в своих сочинениях последний из авторов, — крупнейший советский геолог и географ, член экспедиции, организованной Русским Географическим Обществом, возглавлявшейся Г. Н. Потаниным, — использует материалы, собранные им во время собственной экспедиций по Центральной Азии, а также материалы экспедиций других крупнейших русских путешественников. Проиллюстрируем это примером из его повести «В дебрях Центральной Азии (записки кладовщика)»: *«Юрта Лобсына была чистая и хорошо обставлена благодаря его заработкам у меня. Войлоки были белые, толстые. Вдоль стен стояли сундуки, а в одном месте полочка с бурханами и медными перед ними стаканчиками для курительных палочек. На стенках висела одежда, бурдюки с маслом, тарасуном, чурой (сухим творогом)»* [Обручев 1951].

Далее интересным представляется проследить упоминание слова *бурхан* в художественной литературе. Как правило, оно используется русскими (советскими) авторами при описании событий, имеющих отношение к верующим-буддистам, бурятам или калмыкам.

В начале XX в. слово *бурхан* используется в художественной литературе для создания локального колорита, в частности, приведем пример из романа-хроники Л. Г. Жданова «Былые дни Сибири (1711–1721 гг.)»: *«— Грех! Вера? Ха!.. И никакой тут смены нет! Ихний Бог, что и наш. На небесах сидит, правду любит... Ни бурханов у них, ни идолов. Только одно обличье Будды. Так они Бога своего зовут. Какая же измена веры?.. Бог у всех один...»* [Жданов 1914].

В это же время или несколько позднее, оно используется в произведениях, сюжет которых связан с буддизмом или предметами буддийского культа. Так, в историко-фантастической повести «Возвращение Будды» представлен рассказ о священной статуе, некогда вывезенной из Монголии русским генералом, и о попытке возвращения ее на родину: *«Главнейшие ученики его Цагай-дайчи, Чакар-дайчи и Эрдени-дайчи, размуровав с достойным благоговением келью его, обрели уже не кости Цаган-лама Рачи-джемчо,*

они обрели там бронзовую золоченую статую — **бурхан** Сиддар-ты Гаутамы, прозванного Буддой...» [Иванов 1923].

«Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться: перед беглецом высилось священное дерево аборигенов. В банке, прибитой к стволу, лежали серебряные монеты, ружейные гильзы; на нижних ветвях кедра пестрели ленточки, лоскутки, пучки волос — подарки бурятов **бурхану**», — в данном фрагменте из романа русского советского поэта, прозаика М. С. Гроссмана, повествующего о событиях гражданской войны на Урале и в Сибири, представлено описание святилища верующих берят [Гроссман 1964].

Тибет, его культура, история, религия не раз привлекали внимание русских и советских писателей, в творчестве отдельных авторов тема Тибета присутствует в целом ряде произведений, постепенно наполняясь новыми сведениями. Одним из них является писатель и поэт С. Н. Марков. В его книге «Вечные следы» представлена страница истории паломничеств в Тибет калмыцких буддийских священнослужителей в лице одного из них — Бааза Бакши Менкеджиева: «В начале 1893 года калмыки вновь побывали в чертоге Далай-ламы. Он подарил гостям изваяние Сакья-Муни и еще одно тибетское сочинение. Хранитель печати преподнес Баазе позолоченного бурхана» [Марков 1973].

Встречаются примеры, в которых изобразительные компоненты семантики лексемы **бурхан** метафорически связываются с антропологическим типом носителей буддизма. Приведем один такой пример: «Желтое, скуластое лицо его теперь казалось светлым, неподвижным, похожим на каменные изваяния **бурханов** в степях Монголии» [Шуф 1907]. Вот как передано впечатление о буддийских скульптурных изображениях Ф. Крюковым: «Против него, в ложах направо, — богатая коллекция медных буддийских **бурханов** — скуластые калмыцкие физиономии» [Крюков 1919].

В произведениях советских писателей, обращавшихся к буддийской тематике, мы можем встретить слово бурхан в разных значениях: с одной стороны оно соотносится со словом Будда и эквивалентно ему, как например, в следующей цитате из книги

И. А. Ефремова «Дорога ветров», написанной на материале трех палеонтологических экспедиций в Монголию, которые автору довелось возглавлять: *«Над монастырем, на середине высоты скалистой кручи, большое изображение бурхана — Будды, высеченное внутри овала из какой-то удивительно прочной красной краски, покрывающей поверхность скалы. Рядом еще два меньших изображения»* [Ефремов 1955]. В одной из более поздних его работ, фантастическом романе «Лезвие бритвы» под словом *бурхан* автор подразумевает танки, изображения буддийских божеств на ткани: *«Свисавшие с продыmlенных балок потолка полотнища священных изображений — бурханов — колыхались от порывов холодного сквозняка, никого не беспокоившего»* [Ефремов 1963].

Иногда слово *бурхан* заменяет имя буддийского божества, как это отражено в пьесе «Цахан Сар» («Белый Месяц») М. Хонинова и Б. Эрдниева: *«Голоса: — Дай бурхан здоровья нашему мудрому хану Хо-Орлюку! — Да сбудется наша мечта!»* [Хонинов, Эрдниев 1959].

Термин *бурхан* активно используется в научно-популярной литературе: *«Ни ограда монастыря, и ворота не сохранились во все, зато имеются полузасыпанные ямы, в которые кучами свалены остатки глиняных бурханов (фигурки буддийских божеств), изготовлявшихся с помощью особых металлических форм и обжигавшихся прямо здесь на месте. Говорят, лет пятнадцать-двадцать назад в этих ямах можно было отыскать и целые фигурки, но сейчас — только их фрагменты: головы, торсы со сложенными перед грудью руками, воспроизводящими канонические буддийские жесты — мудры, бедра и ноги на лotosовых тронах в канонических позах — асанах. Размеры ладоней и ступней у этих фигурок не более одного сантиметра, но как тщательно проработан каждый палец. Отличная была форма!»* [Жуковская 1990: 85]. Используется слово *бурхан* и в работах, не имеющих непосредственного отношения к буддизму, этнографии или культуре монгольских народов, как мы наблюдаем это в классической работе по научной криминалистике «В поисках истины», написанной в соавторстве Е. И. Ищенко и М. Г. Любарским: *«В коллекции лама-*

истской бронзы Государственного Эрмитажа есть статуэтки, изображающие Амитаюса — будду вечной жизни. Такие статуэтки именуют монгольским словом „**бурхан**“» [Ищенко, Любарский 1986].

Наконец, слово *бурхан* встречается и для наименования изображений анимистических духов: «*При этом гольды никогда не забывают взять с собой своих богов, или **бурханов**, которые представляют изображения человека китайского типа, сильно размалёванные красной краской, на бумаге или на дереве. Устроив шалаш, каждая партия вешает тут же на дереве и своего **бурхана**. Отправляясь на промысел, гольды молятся ему, прося хорошего лова, и в случае действительной удачи, т. е. поймав хорошего соболя, убив кабана или изюбра, опять приносят своему **бурхану** благодарственные моления, причем брызгают на него водкой, мажут салом или варёным просом и вообще стараются всяким образом выразить свою признательность*» [Пржевальский 1870]. Другой пример, иллюстрирующий анимистические представления местного населения Восточной Сибири, можно взять из записок А. Черкасова, известного русского охотничьего писателя XIX в.: «< >Отправляясь на промысел, гольды молятся ему, прося хорошего лова, и в случае действительной удачи, т. е. поймав хорошего соболя, убив кабана или изюбра, опять приносят своему **бурхану** благодарственные моления» [Черкасов 1882].

Это словоупотребление сохраняется в художественной литературе и в научной литературе XX в. Ср.: «— **Девять бурханов**, дайте нам дорогу, — просит Чумбока, — по этой дороге счастливо проведите нас! Не убейте...» [Задорнов 1948].

Интересно, что уже в наши дни слово *бурхан* стало именем нового псевдоязыческого божества, персонифицируемого в качестве владыки Байкала. Одна из современных реалий прибайкальского региона, которую можно встретить в туристических комплексах, — это изображение нового *бурхана*, вокруг которого совершаются обрядовые действия, воспроизводящие элементы обрядности бурят-шаманистов и эвенков. Вот как это отразил Валентин Распутин в рассказе «Новая профессия»: «*То и дело кавалькады машин,*

одна породистой другой, разукрашенных отнятыми у троек дугами, колокольцами и шелковыми разноцветными лентами, звенящими и трепещущими на ходу, да вдобавок и куклами, кричащими с лакированных капотов машин, что некому ими играть, брачные эти кавалькады мчатся к Байкалу, с ревностью сталкиваясь со встречными «поездами» еще богаче, нарядней, длинней и породистой, мечутся по городу, разметывая по сторонам движение мещан, и, после того как на Байкале «побрызгают» из бутылок языческому богу **Бурхану**, поворачивают к православному храму на венчание» [Распутин 1998].

От термина *бурхан* образовано название новой религии, получившей распространение на Алтае — *бурханизм*.

Термин *бурхан*, имеющий тюрко-монгольскую этимологию и вошедший в русский язык на рубеже XVII и XVIII вв., за три столетия расширил сферу своего употребления, но сохранил первоначальное значение — наименование буддийского божества или название его изображения — чаще скульптурного, чем живописного. Развитие локальной культуры и религиозных практик в конце XX – начале XXI в. привело к появлению у знакомого специалистам термина нового значения — наименования нетрадиционного божества и нетрадиционной религии.

Литература

Белинский В. Г. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте И. Нефедьевым // Молва. 1835. Ч. IX. No. 9. [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1835_podrobnye_svedenia.shtml (дата обращения: 20.10.2014).

Гоголь Н. В. Конспект книги П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768–1773 гг.» / 3 ч. СПб., 1773–1788. [Электронный ресурс] // URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps9/ps9-277-.htm> (дата обращения: 20.10.2014).

Гроссман Вас. Камень-обманка. 1964. [Электронный ресурс] // URL: <http://vipbook.info/hudozh/adventures/116632-grossman-mark-kamen-obmanka-1978.html> (дата обращения: 20.10.2014).

Докладная выписка из дел Сибирского приказа о бывших столкновениях башкирцев с русскими. 3 сентября 1700 г. // Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882. С. 85.

Ефремов И. А. Дорога ветров. М., 1955. [Электронный ресурс] // URL: http://www.libok.net/writer/744/kniga/4367/efremov_ivan_antonovich/doroga_vetrov/read (дата обращения: 20.10.2014).

Ефремов И. А. Лезвие бритвы. М., 1963. Цит. по: Ефремов И. А. Лезвие бритвы. М., 2006. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.litmir.net/bd/?b=201228> (дата обращения: 20.10.2014).

Жданов Л. Г. Былые дни Сибири, 1914. [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/z/zhdanow_1_g/text_0130.shtml (дата обращения: 20.10.2014).

Жуковская Н. Л. Судьба кочевой культуры. М.: Наука. ГРВЛ, 1990.

Задорнов Н. Далекый край, 1948. [Электронный ресурс] // URL: http://www.libok.net/writer/4292/kniga/12288/zadornov_nikolay_pavlovich/osvoenie_dalnego_vostoka_-_1_dalekiy_kray/read (дата обращения: 20.10.2014).

Иванов Вс. Возвращение Будды. 1923. [Электронный ресурс] // URL: <http://fb2lib.net.ru/book/75348> (дата обращения: 20.10.2014).

Ищенко Е. П., Любарский М. Г. В поисках истины. М., 1986. [Электронный ресурс] // URL: <http://lib.co.ua/laws/ishenkoevgeniy/vpoiskahistiny.jsp> (дата обращения: 20.10.2014).

Козлов П. К. Монголия и Кам. Труды экспедиции Императорского Русского Географического Общества, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П. К. Козлова. Т. I. Ч. 1–2. СПб., 1905, 1906. [Электронный ресурс] // URL: http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/text/kozlov_mongolia_i_kam_t_1_1.pdf (дата обращения: 20.10.2014).

Козлов П. К. Тибет и Далай-лама. СПб., 1907 (Пг, 1920, 100 с.). [Электронный ресурс] // URL: http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/text/kozlov_mongolia_i_kam_t_1_1.pdf; <http://issuu.com/fhedoseev/docs/e6c18b62-3864-4cc1-a777-f096e48b6a98> (дата обращения: 20.10.2014).

Крестовский В. В дальних водах и странах, 1, 1882. Цит. по: Крестовский В. В дальних водах и странах. В 2-х томах. Т. 1. М.: Век, 1997. [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/k/krestovskij_ww/text_0130.shtml (дата обращения: 20.10.2014).

Кропоткин П. А. Поездка в Окинский караул // Записки Сиб. отд. Рус. геогр. общ-ва, 1867. кн. IX–X. [Электронный ресурс] // URL: [http://ru.wikisource.org/wiki/%CF%E5%E7%E4%EA%E0%E2_%CE%EA%E8%ED%F1%EA%E8%E9_%EA%E0%F0%E0%F3%EB_\(%CA%F0%EE%EF%EE%F2%EA%E8%ED\)](http://ru.wikisource.org/wiki/%CF%E5%E7%E4%EA%E0%E2_%CE%EA%E8%ED%F1%EA%E8%E9_%EA%E0%F0%E0%F3%EB_(%CA%F0%EE%EF%EE%F2%EA%E8%ED)) (дата обращения: 20.10.2014).

Крюков Ф. Над обрывом, 1919. Цит. по: Крюков Ф. Д. Над обрывом. Очерки и статьи последних лет жизни (1917–1919). М.; СПб., 2009. [Электронный ре-

сурсе] // URL: <http://uni-persona.src.msus.ru/f-krukov/f-krukov.htm> (дата обращения: 20.10.2014).

Кюхельбекер В. К. Дневник, 1845. Цит. по: В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. Издание подготовили Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л.: Наука, 1979. [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/k/kjuhelxbeker_w_k/text_0310.shtml (дата обращения: 20.10.2014).

Левшин А. И. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. Петербург, 1832. Цит. по: Левшин А. И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей (под общей ред. акад. М. К. Козыбаева). Алматы: Санат, 1996. 656 с.

Марков С. Вечные следы, 1973. [Электронный ресурс] // URL: <http://detectivebooks.ru/book/24893537/> (дата обращения: 20.10.2014).

Масленицкий Т. Г. Топографическое описание Симбирского наместничества, 1785. <http://www.twirpx.com/signup/> ... <http://www.twirpx.com/file/1516224/>
Монголия. Очерк Б. И. Имшенецкого. Пг., 1915. [Электронный ресурс] // URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10083754> (дата обращения: 20.10.2014).

Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1834.

Обручев В. А. В делях Центральной Азии (записки кладоискателя). М., 1951. [Электронный ресурс] // URL: <http://e-libra.ru/books/169992-v-debryah-centralnoj-azii.html> (дата обращения: 20.10.2014).

Обручев В. А. От Кяхты до Кульджи. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1940. [Электронный ресурс] // URL: http://www.skitalets.ru/books/kyahhta_obrutchev/ (дата обращения: 20.10.2014).

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб., 1887. Цит. по: Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993.

Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Цит. по: Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. Т. 1–2. Переизд. М., 1946. [Электронный ресурс] // URL: http://www.e-reading.link/bookreader.php/1009180/Przhevalskiy_-_Mongoliya_i_strana_tangutov._Pervoe_puteshestvie_v_Centralnoy_Azii_1870-1873_gg.html (дата обращения: 20.10.2014).

Пржевальский Н. М. Путешествия в Уссурийском крае 1867–1869 гг. СПб., 1870. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rgo-sib.ru/book/kniga/118.htm> (дата обращения: 20.10.2014).

Распутин В. Г. Новая профессия // Наш современник. № 7. 1998. С. 3–23.

Редигер А. Ф. История моей жизни. Пг., 1918. Цит. по: Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999.

Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.: Наука. ЛО, 1984–1991. Вып. 1–6; СПб.: Наука. СПбО, 1992. [Электронный ресурс] // URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 10.10.2014).

Соколовский В. И. Рассказы Сибиряка. М.: В типографии Лазаревых Института восточных языков, 1833. [Электронный ресурс] // URL: <http://coollib.com/b/266951/read#t1> (дата обращения: 20.10.2014).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. (с доп.). М.: Прогресс, 1964. Т. 1. 562 с.

Хонинов М., Эрдниева Б. Цахан Сар (Белый Месяц). Элиста, 1959.

Черкасов А. Записки охотника восточной Сибири. СПб., 1867 (1882). [Электронный ресурс] // URL: <http://profismart.org/web/bookreader-169654-74.php> (дата обращения: 20.10.2014).

Шуф В. А. Кто идет? Роман. СПб., 1907. [Электронный ресурс] // URL: http://lib10.ru/russian_classic/shuf_va/kto_idet.16578 (дата обращения: 20.10.2014).